

Катрин БРЕЙЯ, французский режиссер:

Моя задача — накалить зрителя так, чтобы он не мог с собой совладать

Катрин БРЕЙЯ, режиссер и писатель, снимает не самые приятные для праздного просмотра фильмы, однако забыть их по выходе из кинозала уже невозможно. Ее «Романс» с участием порноактера Рокко Сиффреди едва не запретили во Франции. Картину «Толстая девочка» (у нас на большом экране так и не появившуюся), в которой происходят вполне обыденные и оттого жуткие вещи, можно назвать самым шокирующим фильмом последних лет. В середине сентября в наш прокат выходит последняя лента Брейи «Интимные сцены». Главная героиня фильма — женщина-режиссер, которая пытается снять сложный сексуальный эпизод. Впервые приехав в Москву, чтобы представить фильм, Катрин ответила на вопросы корреспондента «Известий» Марии КУВШИНОВОЙ.

— Многие считают, что вы не любите мужчин. Некоторые догадываются, что вы не любите женщин. После «Интимных сцен» может показаться, что вы не любите и себя...

— Никто не любит себя. Это одно из главных противоречий нашего существования: человека, с одной стороны, очень привлекает жизнь, с другой стороны — он себя не любит. Единственная вещь, которая заставляет хоть немножко себя полюбить, — взгляд любящих людей.

— Вас традиционно называют «режиссером-феминисткой»...

— (Почти кричит.) Я не «режиссер-феминистка»! То есть, с одной стороны, я режиссер, с другой — феминистка... Но я стараюсь, чтобы эти две вещи не пересекались друг с другом. Никогда не использовала свои фильмы для пропаганды каких бы то ни было воззрений. Я не занимаюсь политикой и свои общественные взгляды не переношу на экран.

— Мне кажется, что «Интимные сцены» — в некотором роде пародия на феминистские догмы...

— Я так не считаю. Поговорите с разными режиссерами и

вы поймете, что в большинстве своем они постоянно не уверены в правильности того, что происходит на съемочной площадке. В моем фильме отражается именно этот момент сомнения — это вовсе не пародия. Пародия — низкий жанр, хотя он очень распространен, в частности во Франции. Зачастую она высмеивает как раз то, что имеет самое большое значение. Я скорее ишу что-то настоящее, а не пародию на него.

— К вопросу о пропаганде. Вы работали в «Юнифрансе», организации, которая занимается популяризацией французского кино в мире...

— В этом году я уступила свой пост, хотя «Юнифрансу» обязана многим: благодаря ему мои фильмы, начиная с самых ранних, стали известны за границей. Мне кажется, что до появления этой организации мало кто в мире так интересовался нашим кино. Очень приятно знать, что все мои картины выходят, например, в Турции, причем в полной версии.

— Что вы думаете по поводу «Амели», главного французского хита?

— Это авторское кино, и заранее мало кто мог предсказать

Интимные сцены в «Интимных сценах» отнюдь не такие невинные, как в «Романсе» (на фото)

ему такой успех. Многие французы ненавидят этот фильм, но я к их числу не принадлежу. Они просто завидуют.

— После финальной сцены вашего фильма «Толстая девочка» у меня полчаса дрожали руки. Насколько вы ожидаете от зрителей подобной, чисто физиологической реакции?

— (Катрин ликует.) Отлично! Конечно, это была моя задача — довести зрителя до такого уровня эмоций, чтобы он уже не мог с собой совладать. Это был фильм с очень маленьким бюд-

жетом, у меня не было возможности вставлять спецэффекты. Пришлось делать все старыми методами, фактически средствами немого кино. Я до самого последнего момента сомневалась, что задуманное получится. Люди на площадке постоянно говорили, что нужно добавить криков, чего-то еще. Только когда я увидела реакцию зрителей, я поняла, что у меня все получилось.

— Вы написали свой первый роман в 17 лет. Человек уже в таком возрасте может быть серьезным писателем?

— Опыт и возраст не самое главное. Есть масса примеров, когда люди писали свои лучшие произведения лет в двадцать. Рембо, например. Даже если за твоей спиной нет прожитых лет, если ты не так умудрен, не обладаешь спокойствием, которое приходит с годами, ты можешь писать. Только в юности человек еще способен испытывать фантастическое желание изменить мир, которое больше не повторяется. Когда ты молод, ты близок к какому-то внутреннему смыслу жизни, ты чувствуешь острее.